

УДК 340**DOI: 10.34670/AR.2022.84.37.012****Уголовно-исполнительная политика советского государства в контексте борьбы с бандитизмом в 1920-е годы****Максимов Павел Викторович**

кандидат юридических наук
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарский университет МВД России
350005, Российская Федерация, Краснодар, Ярославская ул., 128;
e-mail: ugprava_krdu@mvd.ru

Аннотация

Исследуются особенности уголовно-исполнительной политики советского государства после окончания Гражданской войны применительно к осужденным за бандитизм. Отмечается, что бандитизм относился к разряду преступлений, за совершение которых виновные в этом лица должны были отбывать наказание не в общих местах заключения, подведомственные НКЮ, а в специальных учреждениях – концентрационных лагерях, лагерях принудительных работа, а затем, с 1930 г. – в исправительно-трудовых лагерях, что обуславливалось отнесением бандитизма к разряду контрреволюционных преступлений. При этом законодатель не выделяли специфику правового статуса осужденных за бандитизм, находившихся в ИТЛ, наблюдалась также тенденция последовательного ужесточения условий содержания и трудоустройства заключенных в ИТЛ.

Для цитирования в научных исследованиях

Максимов П.В. Уголовно-исполнительная политика советского государства в контексте борьбы с бандитизмом в 1920-е годы // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 76-84. DOI: 10.34670/AR.2022.84.37.012

Ключевые слова

Бандитизм, наказание, закон, лагерь, государство, банда, лишение свободы.

Введение

Бандитизм, как особо социально-опасное явление, предельно жестко преследовался советским государством сразу же, как только стали совершаться такого рода преступления после октябрьской революции 1917 г. - причастных к бандам лиц ждали самые суровые наказания, вплоть до расстрела. Вместе с тем хотя расстрелы в период революционного кризиса применялись довольно часто, тем не менее, бандитов, осужденных к расстрелу, было на несколько порядков меньше, чем приговоренных к лишению свободы. В данной связи мы будем исследовать те аспекты, которые касаются исполнения наказаний в отношении лиц, осужденных за бандитизм, учитывая, что в целом уголовно-исполнительная система советского государства довоенного времени нашла достаточно подробное освещение в историко-правовой литературе (работы А.В. Быкова, Д.В. Волошина, С.В. Гаранжи, Д.В. Горбаня, М.Г. Деткова, А.В. Жигалева, Г.М. Ивановой, С.И. Кузьмина, М.В. Куликова, Е.Г. Михеенкова, Л.П. Рассказова, Ю.А. Реента, Т.В. Синельниковой, Л.Б. Смирнова, А.С. Смыкалиан, И.В. Упорова, А.М. Фумма, А.В. Хохлова и др.). В этом контексте отметим, что в 1920-е гг. имел место в определенной степени хаотичный аппаратно-управленческий процесс переподчинения мест лишения свободы между НКЮ, НКВД и ГПУ-ОГПУ по принципу «перетягивания каната», что отражало противоречивый характер формирования позиции советского государства в сфере борьбы с преступностью [Курдюк, Упоров, Акопян, 2007, с. 24].

Основная часть

Так, с 1922 г. все места лишения свободы были подчинены НКВД и управлялись вновь созданным ГУМЗ, деятельность которого стала регулироваться Временным положением. Лишь в конце 1920-х гг. в системе управления уголовно-исполнительными учреждениями произошли существенные изменения, связанные с созданием масштабной системы лагерей для осужденных за контрреволюционные и особо опасные общеуголовные преступления. В известной степени, это был возврат к тем концентрационным лагерям для временной изоляции политических противников большевиков, которыми в годы Гражданской войны ведала ВЧК [Кубасов, 2009, с.61]. Если иметь в виду характеристики учреждений, предназначенных для исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, то нужно заметить, что с 1919 г., были созданы лагеря принудительных работ. В законе от 15 апреля были определены основы нового института в уголовно-исполнительной системе советского государства – института уголовно-исполнительных учреждений в виде «лагерей» для содержания осужденных к лишению свободы «классовых врагов» либо направленных туда по решению ВЧК во внесудебном порядке лиц из той же категории, а также для содержания лиц, совершивших особо тяжкие преступления, включая бандитизм.

Тем самым был заметно активизирован процесс политизации уголовно-исполнительной системы советского государства. В частности, согласно дано закону устанавливалось, что «1) При Отделах Управления Губернских Исполнительных Комитетов образуются лагеря принудительных работ. 2) Лагеря принудительных работ в уездах открываются с разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел. 2) Заключение в лагерях принудительных работ подлежат те лица и категории лиц, относительно которых состоялись постановления Отделов Управления Чрезвычайных Комиссий, Революционных Трибуналов, Народных Судов и других Советских Органов, коим предоставлено это право декретами и распоряжениями. 3) Все

заключенные в лагерях немедленно привлекаются к работам по требованию Советских Учреждений. 4) Бежавшие из лагерей или с работ подлежат самым суровым наказаниям. 5) Для управления всеми лагерями принудительных работ на всей территории Р.С.Ф.С.Р. при Народном Комиссариате Внутренних Дел по соглашению с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией учреждается Центральное Управление Лагерями» [4]. Однако, как показала практика, термин ЦУР – Центральное управление лагерями не прижился, и больше он встречается в официальных актах не будет, в том числе в следующем законе о лагерях принудительных работы от 17 мая 1919 г., где более подробно были отрегулированы организационно-управленческие вопросы.

В частности, в этом законе указывалась, что лагеря принудительных работ должны быть организованы «во всех губернских городах, рассчитанные не менее чем на 300 человек каждый» [Декрет ВЦИК от 17.05.1919 "О лагерях принудительных работ"]. Помимо этого, они могли быть созданы и в уездных городах, но с разрешения Отдела принудительных работ. Лагери принудительных работ были отнесены к ведению НКВД, а не НКЮ, и далее в рассматриваемый период «лагеря» всегда будут в ведении органов внутренних дел и органов государственной безопасности. В данном законе ведущая роль в организации деятельности лагерей принудительных работ отводилась Отделу принудительных работ [Декрет ВЦИК от 17.05.1919 "О лагерях принудительных работ"]. Следует отметить, что многие нормы данного закона оказались нежизнеспособными, причем как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения условий содержания заключенных. В частности, заведомо нереальным было установление возможности продления срока лишения свободы, значительно превышающий срок, на которой лицо было помещено в лагерь, равно как представление возможности заключенным проживать на частных квартирах (п. 44). Но сами лагеря в реальности имели место. В частности, в литературе встречаются сведения о том, что к концу 1919 г. был организован 21 лагерь принудительных работ, в которых по состоянию на ноябрь 1920 г. содержались 59 тысяч заключенных. К середине 1921 г. численность лагерей выросла до 128 при количестве заключенных до 100 тысяч [6, с. 65]. А согласно отчету Отдела принудительных работ (конец 1919 г.) отмечалось, что численность содержащихся в таких лагерях составляла 16 447 человек, при этом подчеркивался повышенный спрос на рабочую силу из числа заключенных, в связи с чем приходилось делать выбор и отправлять заключенных «главным образом на работы важнейшего государственного характера (разработка леса, работы на железной дороге)» [ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 13. , л.7об, 9об]. Наряду с лагерями принудительных работ функционировали также специальные лагеря ОГПУ [Абдулмеджидов, 2011, с. 27], открытых источников об их деятельности, и прежде всего правовых актов, определявших статус этих уголовно-исполнительных учреждений, нам найти не удалось (М.М. Исаев в 1925 г. называл их концентрационными лагерями [Исаев, 1925, с. 63]).

Эти лагеря, по мнению С.И. Кузьмина, появились в результате разногласий, возникших между ВЧК и НКЮ по вопросу об условиях содержания лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и спекуляцию, в частности, ВЧК была против их трудоиспользования вне места лишения и содержания вместе с другими заключенными [Рассказов, Упоров, 1998, с. 73]. Тот же Н.А. Стручков предполагал, что общие места заключения не позволяли осуществлять эффективное воздействие на всех заключенных, в связи с чем потребовались специальные лагеря [Стручков, 1963, с. 70]. А А.С. Смыкалин обнаружил архивные сведения о концентрационном лагере в Нижнем Тагиле, где в ноябре 1921 г. содержалось несколько заключенных, в личных делах которых в графе о сроке окончания лишения свободы значилось: «до ликвидации бандитизма» [Смыкалин. 1998, с. 63]. Такого рода

записи были характерны в первые годы после октябрьской революции, когда участники революционных преобразований, сторонники большевиков, еще верили в «светлое будущее», причем скорое.

Однако бандитизм как социально опасное явления ликвидирован не был, более того, как мы отмечали в своих более ранних работах, в довоенный период имело место расширение такого рода преступной деятельности. В литературе указывается в этой связи, что «до середины 20-х гг. у политических заключенных были привилегии: их не заставляли работать, жили они отдельно (некоторые даже имели семьи). Контрреволюционеры же помещались вместе с уголовниками-рецидивистами, что существенно усугубляло их страдания» [Смыкалин, 1998, с. 69]. Надо полагать, что осужденные за бандитизм в данном контексте расценивались как «контрреволюционеры», и, таким образом, политические бандиты размещались совместно с уголовными бандитами, что создавало условия для конфликтов, и нередко самых жестоких. Тогда же начался период критики советского правительства из-за рубежа за жестокие условия содержания политических заключенных, при этом поводом стали просочившиеся за границу сведения об условиях содержания заключенных в лагере на Соловецких островах, а также в лагерях в Холмогорах и Порталинском монастыре.

Однако уголовно-исполнительная политика советской власти выкристаллизовывалась по вполне определенному вектору, невзирая на критику извне, и это хорошо было видно на примере «пробного шара» в виде Соловецкого лагеря особого назначения (в литературе того времени и даже в официальных документах, не говоря уже об обиходном языке, известном как СЛОН). При этом нужно иметь в виду, что в практике подавления массовых проявлений бандитизма создавались также временные лагеря для изоляции некоторых категорий лиц, опасных для советской власти. Это проявилось, в частности, при подавлении антоновского крестьянского восстания («повстанческого бандитизма» [Шагланов, 2014, с. 51]) на тамбовщине. Тогда Тухачевским, возглавлявшим военную составляющую при подавлении мятежа, был издан приказ от 13 мая 1921 г., который предусматривал меры с целью «создать приемные пункты для содержания семей бандитов и заложников». В приказе, в частности, указывалось: «Вводятся 22 должности, из них: комендант, комиссар, два помощника, всего 63 человека в лагере вместимостью 3000 человек и 50 человек штата в лагере вместимостью менее 3000 человек» [Романов, 1996, с. 36]. В созданных согласно этому приказу десяти лагерях было размещено почти 24 тысячи человек. Так как в России в рассматриваемое время было около полусотни крупных крестьянских волнений, пусть даже и менее масштабных, чем антоновское восстание [Журавлев, 1997, с. 64], то, соответственно, можно представить численность содержащихся в них потенциальных бандитов.

Такое направление развития уголовно-исполнительной политики достаточно четко обосновывал, в частности, Дзержинский, который в одном из своих предписаний подчиненным (16 августа 1923 г.) отмечал: «Мне кажется, что размеры применения высшей меры наказания в настоящее время (как по суду, так и по нашим решениям) не отвечают интересам дела и сложившейся обстановке при нэпе и мирной полосе развития. Высшая мера наказания - это исключительная мера, а поэтому введение ее как постоянный институт для пролетарского государства вредно и даже пагубно. Поэтому я перед ЦК хочу поставить этот вопрос. Я думаю, что высшую меру следует оставить исключительно для государственных изменников (шпионов) и бандитов и поднимающих восстание. По отношению к ним этого требует наша самозащита - в окружении врагов [Письмо Ф.Э. Дзержинского И.С. Уншлихту о принципах карательной политики в мирное время от 16.08. 1923 г., л. 50]. Далее шла речь о том, что для присужденных

к срокам выше определенного предела (скажем, от 5 лет) не должно быть «никаких амнистий», о необходимости заняться организацией принудительного труда («каторжных работ»), имея в виду «колонизацию незаселенных мест и делать это надо «с железной дисциплиной», и в этом смысле данный вектор уголовно-исполнительной политики будет активно развиваться, но несколько позже, когда будет создан ГУЛАГ. Как видно, Дзержинский причислял бандитов к числу наиболее опасных преступников. Бандитизм являлся для советской власти тяжким государственным преступлением, соответственно, осужденные за бандитизм направлялись в лагеря принудительных работ (за исключением тех особо опасных бандитов, которые подлежали расстрелу). Мысли железного наркома о предназначении лагерей разделяли и многие другие причастные к решению вопросов о развитии уголовно-исполнительной системы СССР. Так, юрисконсульт ГУМЗ НКВД РСФСР Б.С. Утевский (ставший ученым-пенитенциаристом, опубликовавшим, преимущественно после окончания Великой Отечественной войны, ряд научных и учебных трудов, в том числе учебник по исправительно-трудовому праву), писал о том, что «концентрационные лагеря впервые тесно увязывались с пятилетним планом развития промышленности ... осознавались как маленький, но необходимый участок грандиозной программы советского строительства» [Утевский, 1930, с. 26].

Следует заметить, что будущий ГУЛАГ в организационном плане начинался как раз с рассматриваемых лагерей принудительных работ, но тогда совокупность лагерей принудительных работ еще не было оснований называть системой [Упоров, 2000, с. 36]. На этот счет окончательные законодательные решения нашли отражение в акте от 6 ноября 1929 г. [Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 06.11.1929 "Об изменении ст. ст. 13, 18, 22 и 38 основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик"] (лишение свободы должно было исполняться в уголовно-исполнительных учреждениях двух видов: 1) в ИТЛ в отдаленных местностях страны на срок от 3 до 10 лет; 2) в общих местах заключения на срок до 3 лет с отбыванием по общему правилу в исправительно-трудовых колониях) и от 7 апреля 1930 г. (утверждено Положение об исправительно-трудовых лагерях [Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. СНК СССР 07.04.1930)]). Для разделения потоков заключенных по видам учреждений НКВД и НКЮ РСФСР издавали специальные циркуляры, где подробно регулировались вопросы отбора заключенных, которых следовало определять в ИТЛ, для чего разъяснялись соответствующие критерии классификации заключенных. В частности, начальник мест заключения Уральской области получил предписание, в котором указывалась необходимость «в срочном порядке произвести соответствующую подготовку людей, подлежащих передаче органам ОГПУ. При этом людей подразделить на три категории: 1) контрреволюционеры; 2) социально-злостные рецидивисты и *бандиты*; 3) случайные преступники из числа трудящихся (рабочие и крестьяне)» [12, с. 62-639. Так, по этим критериям в Верхнетруском трудовом доме были определены соответственно по категориям 6, 34 и 6 человек.

Как видно, численность бандитов была преобладающей, что свидетельствовало о значительных масштабах данной асоциальной девиации. Всего же к тому времени (1930 г.) под началом НКВД РСФСР находились 279 ИТУ, где отбывали лишение свободы в общей сложности 171 тыс. человек. При этом по категориям ИТУ они подразделялись на следующие виды: 176 домов заключения, 34 колоний, занимавшихся лесозаготовками, 14 фабрично-трудовых колоний, 24 сельхозколоний, 18 колоний иного вида [Некрасов, 1995, с. 147]. Здесь и развернулся отбор осужденных для будущего ГУЛАГа (помимо этого, места лишения свободы

в виде арестных домов, куда на период следствия также направлялись обвиняемые в бандитизме, находились в ведении Главного управления рабоче-крестьянской милиции, однако такого рода арестные дома не являлись уголовно-исполнительными учреждениями, и мы их не рассматриваем).

Принципиальным в этом контексте представляется также Постановление Политбюро ВКП (б) от 27 июня 1929 г., которое определяло, каким образом наиболее рационально использовать труд заключенных. Было решено расширить существующие, а также организовать новые ИТЛ в отдаленных районах для того, чтобы разрабатывать природные богатства на Дальней Востоке, Сибири и Севере, то есть «для колонизации отдаленных районов» [Хлевнюк, 1996, с. 28]. В этом же контексте следует назвать и решение 1928 г. о том, чтобы осужденные к принудительным работам трудились бесплатно. Следует заметить, что в постсоветской литературе деятельность ГУЛАГа и ИТЛ в абсолютном большинстве случаев подвергается критике, прежде всего, в связи с бесчеловечными условиями жизни и работы заключенных, игнорировании общепринятых прав человека [Упоров, Схатум, 2000, с. 43], что в ряде случаев приводило к массовым протестным выступлениям. И такая позиция имеет под собой определенные основания. Тем не менее, мы полагаем важным учесть то обстоятельство, что советские руководители и специалисты действительно могли верить в реальность и полезность именно такого развития ИТЛ, которое имело место. Например, изложенное выше мнение Дзержинского, очевидно, было вполне искренним.

Заключение

Можно констатировать, что система мест лишения свободы, которая первоначально была предметом деятельности НКЮ РСФСР, по мере ожесточения противостояния советской власти и ее противников в рамках Гражданской войны, изменилась. Уже на рубеже 1920 г. было принято решение выделить из общих мест лишения свободы специальные места лишения свободы (лагеря принудительных работ) для «контрреволюционеров», включая бандитов. Эти места лишения свободы находились в ведении ВЧК, и водворение в них осуществлялось по упрощенной процедуре посредством реализации особых полномочий, которыми наделялись органы государственной безопасности. Этот тренд – создание системы уголовно-исполнительных учреждений для содержания «классовых врагов» под началом ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (концентрационных лагерей, лагерей принудительных работ, исправительно-трудовых лагерей) при параллельном функционировании системы общих мест лишения свободы под началом НКЮ-НКВД (дома заключения, арестные дома, исправительно-трудовые колонии и др.) стал определяющим для рассматриваемого довоенного периода развития уголовно-исполнительной политики советской власти. С 1930 г. в СССР окончательно сформировалась управляемая ГУЛАГом система исправительно-трудовых лагерей, куда помещались бандиты и другие особо опасные для советского строя преступники, а с 1934 г. вся система уголовно-исполнительных органов перешла в подчинение НКВД СССР, ставшего генеральным репрессивным органом в СССР.

Библиография

1. Курдюк П.М., Упоров И.В., Акопян А.В. Преступность как социально-опасное явление и государственное принуждение как метод его нейтрализации. Краснодар: Тамзи, 2007. 195 с.
2. Временное положение о Главном управлении местами заключения НКВД РСФСР и его местных органах (утв.

- НКВД РСФСР от 03.11.1922 г.) // ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 335.
3. Кубасов А.Л. Концентрационные лагеря на Севере России во время Гражданской войны // Новый исторический вестник. 2009. № 2. С. 58–65.
 4. Постановление ВЦИК от 15.04.1919 "О лагерях принудительных работ" // СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.
 5. Декрет ВЦИК от 17.05.1919 "О лагерях принудительных работ" // СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 235.
 6. Степанов В. Красный террор // Радуга. 1991. № 2. С. 61-70.
 7. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 89. Д. 13.
 8. Абдулмеджидов М.Г. Возникновение и формирование уголовно-исполнительной системы Советского государства в период с 1917 по 1929 г. // История государства и права. 2011. N 19. С. 27 - 29.
 9. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925. 199 с.
 10. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. Краснодар, 1998. 166 с.
 11. Стручков Н.А. Советское исправительно-трудовое право. М.: ВШ МООП, 1963. 224 с.
 12. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начало 1960-х гг. (историко-юридическое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 325 с.
 13. Шагланов А.Н. Повстанческий бандитизм на территории Сибири в 1920 1921 гг. // Омский научный вестник. 2014. № 2. С. 50-53.
 14. Романов С.А. «Провести операцию с подъемом и воодушевлением» // Карта. 1996. № 10–11. С. 32-44.
 15. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Сб. док. / Сост. С.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 1997. 326 с.
 16. Письмо Ф.Э. Держинского И.С. Уншлихту о принципах карательной политики в мирное время от 16.08. 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 149. Л.50.
 17. Старков О.В., Упоров И.В. Юриспруденция. Введение в специальность. М.: Экзамен, 2005. 94 с.
 18. Утевский Б. С. Как советская власть исправляет преступников. М., 1930. 67 с.
 19. Упоров И.В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4. С. 36.
 20. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 06.11.1929 "Об изменении ст. ст. 13, 18, 22 и 38 основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" // СЗ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.
 21. Положение об исправительно-трудовых лагерях (утв. СНК СССР 07.04.1930) // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
 22. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М.: Версты, 1995. 412с.
 23. Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
 24. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21.05.1928 "Об изменении главы IV отдела первого Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р."// СУ РСФСР. 1928. № 57. Ст. 426.
 25. Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития / Под редакцией Рассказова Л.П. Краснодар, 2000. 146 с.

Soviet criminal policy states in the context of the fight against bandits in the 1920-s

Pavel V. Maksimov

PhD in Law

Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
350005, 128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: ugprava_krdu@mvd.ru

Abstract

The article examines the features of the penal policy of the Soviet state after the end of the Civil War in relation to those convicted of banditry. It is noted that banditry belonged to the category of crimes for the commission of which the perpetrators of this were supposed to serve their sentences not in general places of detention under the jurisdiction of the NKYu, but in special institutions -

concentration camps, forced labor camps, and then, since 1930, in correctional labor camps, which was due to the classification of banditry as a counter-revolutionary crime. At the same time, the legislator did not highlight the specifics of the legal status of convicts for banditry who were in the ITL, there was also a tendency to consistently tighten the conditions of detention and labor use of prisoners in ITL.

For citation

Maksimov P.V. (2022) Ugolovno-ispolnitel'naya politika sovetskogo gosudarstva v kontekste bor'by s banditizmom v 1920-e gody [Soviet criminal policy states in the context of the fight against bandits in the 1920-s]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (9A), pp. 76-84. DOI: 10.34670/AR.2022.84.37.012

Key words

Banditry, punishment, law, camp, state, gang, imprisonment.

References

1. Kurdyuk P.M., Uporov I.V., Akopyan A.V. Crime as a socially dangerous phenomenon and state coercion as a method of its neutralization. Krasnodar: Tamzi, 2007. 195 p.
2. Provisional regulations on the General Administration of places of detention of the NKVD of the RSFSR and its local bodies (approved by the NKVD of the RSFSR on 03.11. 1922) // GA RF. F. P-393. Op. 89. D. 335.
3. Kubasov A.L. Concentration camps in the North of Russia during the Civil War // *New Historical Bulletin*. 2009. No. 2. pp. 58-65.
4. Resolution of the Central Executive Committee of 15.04.1919 "On forced labor camps" // SU RSFSR. 1919. No. 12. St. 124.
5. Decree of the Central Executive Committee of 17.05.1919 "On forced labor camps" // SU RSFSR. 1919. No. 20. St. 235.
6. Stepanov V. Red terror // *Rainbow*. 1991. No. 2. pp. 61-70.
7. GARF. F. 393. Op. 89. D. 13.
8. Abdulmedzhidov M.G. The emergence and formation of the penal system of the Soviet state in the period from 1917 to 1929 // *History of the state and law*. 2011. N 19. p. 27 - 29.
9. Isaev M.M. The general part of the criminal law of the RSFSR. M., 1925. 199 p.
10. Narratives L.P., Uporov I.V. The use and legal regulation of convict labor in Russian history. Krasnodar, 1998. 166 p.
11. Struchkov N.A. Soviet correctional labor law. Moscow: HSE MOO, 1963. 224 p.
12. Smykalin A.S. The penitentiary system of Soviet Russia 1917 – early 1960s (historical and legal research): dis. ...Dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 1998. 325 p.
13. Shaglanov A.N. Insurgent banditry on the territory of Siberia in 1920-1921. // *Omsk Scientific Bulletin*. 2014. No. 2. pp. 50-53.
14. Romanov S.A. "To carry out an operation with uplift and inspiration" // *Map*. 1996. No. 10-11. pp. 32-44.
15. The voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918-1932 / Sat. doc. / Comp. S.V. Zhuravlev et al. M.: ROSSPEN, 1997. 326 p.
16. Letter of F.E. Dzerzhinsky to I.S. Unshlikht on the principles of punitive policy in peacetime dated 16.08.1923 // RGASPI. F. 76. Op. 3. D. 149. L.50.
17. Starkov O.V., Uporov I.V. Jurisprudence. Introduction to the specialty. M.: Exam, 2005. 94 p.
18. Utevsky B. S. How the Soviet government corrects criminals. M., 1930. 67 p.
19. Uporov I.V. The development of criminal punishment in the first years of Soviet power // *Criminal law*. 2000. No. 4. p. 36.
20. Resolution of the CEC of the USSR, the SNK of the USSR of 06.11.1929 "On the amendment of Articles 13, 18, 22 and 38 of the basic principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics" // SZ USSR. 1929. No. 72. St. 686.
21. Regulations on correctional labor camps (approved by the SNK of the USSR 07.04.1930) // SZ USSR. 1930. No. 22. St. 248.
22. Nekrasov V.F. Thirteen "iron" commissars. M.: Versts, 1995. 412s.
23. Khlevnyuk O.V. Politburo: mechanisms of political power in the 1930s. Moscow: ROSSPEN, 1996. 304 p.
24. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 05/21/1928 "On changing Chapter IV of the Department of the first Correctional Labor Code of the RSFSR. 1928. No. 57. St. 426.

Uporov I.V., Schatum B.A. Natural and positive Law: concept, history, trends and prospects of development"// SU RSFSR. 1928. No. 57. St. 426.

25. Uporov I.V., Schatum B.A. Natural and positive law: concept, history, trends and prospects of development / Edited by Rasskazov L.P. Krasnodar, 2000. 146 p.